ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе

общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 32 Воскресенье, 28 августа (10 сентября) 1905 г. № 32

Изъ воспоминаній о графѣ Алексѣѣ Толстомъ.

Гаснетъ западъ вдали блѣдно-розовый,
Звѣзды небо усѣяли чистое...
Гр. А. Толстой.

I.

Эпиграфъ такъ и напрашивается... Когда я говорилъ объ Алексѣѣ Толстомъ съ лицомъ, знавшимъ его близко, гдѣ-то далеко, за огородами спокойно догоралъ іюльскій пепельно-розовый закатъ, а въ поблѣднѣвшихъ, отдыхающихъ отъ дневного зноя небесахъ тихо мерцали уже серебряныя черниговскія звѣзды. Мы сидѣли на крылечкѣ уютнаго новозыбковскаго дома, и мягкій вечерній воздухъ былъ напоенъ густымъ, прянымъ благоуханіемъ цвѣтовъ.

Моя собесѣдница—П. П. Лысакова,—жена управляющаго имѣніемъ покойныхъ Алексѣя Константиновича и Софьи Андреевны Толстыхъ. Эта симпатичная, еще нестарая женщина много лѣтъ провела и въ знаменитомъ Красномъ-Рогѣ и въ петербургскомъ помѣстьѣ графовъ—Пустынкѣ.

Интересны воспоминанія П. П. Лысаковой. Цѣлая фаланга нашихъ великихъ писателей, гостившихъ у Толстыхъ, промелькнула на ея глазахъ: Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Владиміръ Соловьевъ, Фетъ...

На ея же глазахъ скончался въ страшныхъ мукахъ Алексѣй Толстой.

— Графъ былъ страстный охотникъ... Въ особенности онъ любилъ ходить на тетеревей. Разъ былъ такой случай на охотѣ. Одного егеря кто-то случайно подстрѣлилъ. Онъ упалъ, истекая кровью. Что тутъ дѣлать? Не говоря ужъ о докторской помощи,—перевязать раны нечѣмъ и некому. Тогда другой егерь и говоритъ:—„Ваше сіятельство тутъ недалече мужикъ въ полѣ пашетъ; онъ умѣетъ кровь заговаривать". Графъ отнесся къ этому недовѣрчиво, но все же велѣлъ кликнуть знахаря. Тотъ пошепталъ, пошепталъ, и всѣ видѣли, какъ остановилась вдругъ кровь. Съ той поры графъ говорилъ, что увѣровалъ въ заговоры. Разсказывали даже, будто самъ научился „заговаривать" и будто не разъ удачно примѣнялъ свое искусство.

Вы, конечно, слышали о замѣчательной физической силѣ графа? Это былъ настоящій богатырь. Я сама разъ была свидѣтельницей.

Гостилъ у насъ другъ Алексѣя Константиновича, графъ Бобринскій. Уѣзжаетъ онъ. Подали коляску, запряженную четверикомъ. Простились. Бобринскій уже сѣлъ. Кучеръ взмахнулъ кнутомъ. Кони рванулись, но—ни съ мѣста! Это графъ удерживалъ экипажъ за колесо...

Бобринскій прямо растерялся. Только и нашелся сказать:

— Толстой, пусти, ты съ ума сошелъ!..

Онъ ходилъ одинъ одинешенекъ съ кинжаломъ на медвѣдя, сворачивалъ въ вензель кочергу и ребромъ вбивалъ въ паркетъ на половину серебряный рубль...

II.

— Шутникъ былъ Алексѣй Константиновичъ. Когда здоровъ, никого не пропуститъ въ усадьбѣ, всѣхъ обласкаетъ, всякому скажетъ доброе слово. Любилъ посмѣяться надъ чужою разсѣянностью. Мягко, незлобиво. Гоститъ, бывало, у насъ поэтъ, князь Цертелевъ; графъ каждый разъ ему съ усмѣшкой припомнитъ:

— А помнишь, Дмитрій, какъ ты въ Парижѣ блудилъ?

И тутъ графъ разскажетъ окружающимъ, какъ это было:

— Цертелевъ проходитъ мимо нашего оте-

Сенаторъ Кузминскій и его сотрудники по ревизіи г. Баку и Бакинской губерніи.

Сидятъ: сенаторъ А. М. Кузминскій, налѣво отъ него: предсѣдатель сувалкскаго окр. суда Е. Н. Хлодовскій, членъ кіевскаго окр. суда А. Н. Гедда, оберъ-секретарь правит. сената Н. В. Хлѣбниковъ; направо: помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ м-ва внутр. дѣлъ К. К. Стефановичъ и ревизоръ по податной части м-ва финансовъ К. Н. Нардовъ. Стоятъ (съ лѣвой стороны): причисленный къ м-ву внутрен. дѣлъ Ю. В. Шидловскій, товарищъ предсѣдателя спб. окр. суда К. А. Берманъ, тов. прок. моск. окр. суда Б. С. Рѣзниковъ, дѣлопроизводитель земск. отдѣла м-ва внутр. дѣлъ Д. И. Николаевъ, причисленный къ м-ву юстиціи Б. Ѳ. Эрастовъ и помощникъ оберъ-секретаря прав. сената Н. Г. Прибытковъ.

ля и не замѣчаетъ. Я это вижу и тихонько—за нимъ. Пройдетъ нѣсколько кварталовъ и тогда нанимаетъ извозчика домой.

Жила въ Красномъ-Рогѣ племянница Толстого—барышня Бахметьева, славная такая, скромная—все мужиковъ лѣчила. Потомъ—Хитрово Вѣра Петровна, изящная дама, щеголиха... Уѣзжаетъ, напримѣръ, графъ въ Москву или Петербургъ; родственницы даютъ ему порученія; Хитрово—талентъ, шляпъ, круже въ, матерій. А Бахметьева всегда одно и то-же—побольше лѣкарствъ и разныхъ аптечныхъ снадобій. Любилъ ее графъ за это. Обниметъ, поцѣлуетъ крѣпко:

— Ахъ ты, Ниночка, дитя мое дорогое, добрая, золотая душа!

Привозилъ онъ ей всегда огромный ящикъ съ медикаментами...

О графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Лысакова отзывается, какъ о натурѣ, одаренной очень богато. Прекрасная музыкантша-пѣвица, художница. Однажды нарисовала она портретъ Владимира Соловьева, изобразивъ его въ терновомъ вѣнцѣ, какъ Христа.

Графъ любилъ слушать ея игру. Но одинъ трагическій случай помѣшалъ Софьѣ Андреевнѣ играть въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Они катались съ мужемъ верхомъ. Лошади понесли. Графиня упала и повредила руку. Доктора говорили, что это вывихъ. Но простой мужикъ-костоправъ доказалъ переломъ. Онъ вставилъ руку въ лубки, и кость срослась. Сдѣлалъ онъ это не достаточно ловко; рука была, какъ чужая.

Зная, какое наслажденіе доставляетъ мужу ея игра, графиня рѣшилась на пытку... Поѣхала въ Берлинъ, гдѣ знаменитые профессора вновь сломали ей руку, и когда она срослась вторично, графиня могла свободно играть на роялѣ.

III.

Писалъ стихи Толстой ночью...

— Когда Алексѣй Константиновичъ велитъ принесть съ вечера въ кабинетъ спиртовую лампу, мы всѣ знали, что цѣлую ночь напролетъ онъ будетъ работать. Въ такихъ случаяхъ онъ самъ себѣ варилъ густой, крѣпкій чай и кофе.

Природу онъ любилъ до болѣзненности, чутко и страстно. Особенно лѣсъ. Въ лѣсу сдѣлали для графа просѣку въ пять верстъ, по которой онъ, уже недомогающій, больной, катался ежедневно. Когда онъ былъ очень плохъ, мы его выводили подъ руки, сажали въ шарабанъ, и кони медленно возили его по просѣкѣ взадъ и впередъ... Съ какимъ наслажденіемъ возвращался онъ всегда въ Красный Рогъ изъ заграничныхъ поѣздокъ! Тѣмъ болѣе, что послѣдніе годы онъ ѣздилъ туда не развлекаться, а чинить свое здоровье.

— Я думаю,—продолжаетъ Лысакова,—что въ своей относительно ранней смерти виноватъ самъ графъ. Виновата его удаль... Въ молодости онъ, сильно выпарившись въ банѣ, тотчасъ же, разгоряченный,—либо катался по снѣгу, либо окунался въ прорубь... И это не взирая ни на какіе морозы...

Когда его упрекали въ неосторожности, онъ отшучивался:

— Что русскому здорово, то нѣмцу смерть...

Въ Красномъ Рогѣ Алексѣя Константиновича пользовалъ докторъ изъ Почепа—Величковскій. Графъ страдалъ припадками мучительныхъ болей. Чтобы успокоить ихъ, Величковскій дѣлалъ подкожныя впрыскиванія. Но онъ злоупотреблялъ, и это вредно отразилось на легкихъ. Другіе окрестные доктора отказались лѣчить графа, находя его безнадежнымъ. Одинъ Величковскій временно возрождалъ его подкожными впрыскиваніями.

— Графъ привязался къ нему. Чуть только уже, сейчасъ летятъ въ Почепъ за нимъ тройки...

Кончался августъ... Графу все хуже и хуже. Чувствуя приближеніе его смерти, мы втихомолку плакали. Бѣдная графиня извелась, какъ тѣнь. А графъ задумалъ ѣхать въ Ментону.

— Тамъ поправлюсь; тамъ тепло, все цвѣтетъ,—говорилъ онъ уже слабымъ голосомъ.

Онъ хотѣлъ взять съ собой моего мужа.

Призываетъ меня.

— Вы не будете скучать, если онъ со мной поѣдетъ?

— Я буду счастлива, если мой мужъ будетъ чѣмъ либо полезенъ вашему сіятельству.

Уже и паспорты взяты, и удобный экипажъ устроили, намостили его подушками... Тогда приходилось ѣздить на лошадяхъ до самаго Брянска. Все готово. Но за три дня до отъѣзда графу стало скверно.. Удушье астмы, головные боли; часами лежалъ безъ сознанія. Ужъ чего только Величковскій не дѣлалъ! Клали доску на грудь, чтобы сдѣлать искусственное дыханіе...

Графиня не спала ночей, не отходила отъ изголовья. Въ минуту сознанія Алексѣй Константиновичъ какъ-то сказалъ ей:

— Знаешь, Сонюша, приходила ко мнѣ покойница мама, хотѣла увести за собой; я даже руку отдернулъ...

Онъ бредилъ охотой, тетеревами, опушенными снѣгомъ рощами...

А за день до кончины говорилъ графинѣ:

— Сонюша,—къ моему окну тетеревъ прилеталъ, ты не думай—это не бредъ, я его ясно видѣлъ. Это онъ за мной прилеталъ; это моя смерть!

И дѣйствительно, дворовые тоже видѣли тетерева, какъ онъ черезъ полянку летѣлъ отъ барскаго дома.

Скончался графъ безъ сознанья. Загнали нѣсколько троекъ, но Величковскій уже не засталъ его въ живыхъ.

Смерть не обезобразила его... Такой онъ величественный, прекрасный лежалъ, осѣненный желтѣющими вѣтками. Приходили всѣ любоваться имъ, такой онъ былъ красивый. И вѣрить не хотѣлось, что его ужъ нѣтъ...

Въ Орлѣ заказали гробъ. Только онъ опоздалъ. Похоронили графа въ простомъ сосновомъ гробу, а тотъ пышный, когда онъ прибылъ, сожгли...

IV.

У П. П. Лысаковой есть рѣдкій фотографическій портретъ Алексѣя Толстого. Я переснялъ его. Писанныхъ художниками съ натуры портретовъ графа не осталось. Въ смоленскомъ имѣніи княгини М. К. Тенишевой, Талашкинѣ, я видѣлъ большой портретъ Толстого кисти Рѣпина. Но и онъ сдѣланъ съ фотографіи.

По словамъ Лысаковой, въ Мюнхенѣ писалъ графа Ленбахъ. Какая судьба портрета—гдѣ онъ? неизвѣстно. Жаль, а то можно было бы украсить имъ русскій музей. Ленбахъ писалъ о портретѣ уже овдовѣвшей Софьѣ Андреевнѣ. Большой художникъ и вмѣстѣ большой матеріалистъ, онъ напоминалъ, вѣроятно, о гонорарѣ.

Вспоминаетъ П. П. Лысакова, какъ провелъ въ Пустынкѣ недѣлю Достоевскій. Ни графа, ни графини не было въ имѣніи, и Достоевскій обѣдалъ и пилъ чай вмѣстѣ съ Лысаковой и ея мужемъ.

— Простой симпатичнѣйшій человѣкъ, но замкнутый, угрюмый. Онъ все работалъ въ библіотекѣ, перебиралъ книги, и я ему помагала. Все кашлялъ.

— Какъ вы кашляете, Федоръ Михайловичъ! — говорю ему, а самой смотрѣть больно.

— Что, кашляю? Надо удивляться тому, какъ я еще живу и работаю!

— Всѣ ночи въ продолженіе этой недѣли онъ писалъ. Выйдетъ утромъ изнуренный, блѣдный и скажетъ:

— Голубушка, Прасковья Прокофьевна, велите заправить мнѣ новыя свѣчи; тѣ я сжегъ за ночь.

Спрашивалъ, какъ мнѣ нравятся его сочиненія.

Въ графской семьѣ Достоевскій пользовался большой симпатіей.

Въ Петербургѣ хотѣли ставить домашнимъ образомъ „Смерть Ивана Грознаго". Роль Грознаго очень хотѣлъ играть Достоевскій. Прислали ему тетрадку, но за нѣсколько дней до спектакля онъ умеръ.

— Хорошо помню Тургенева, тоже бывалъ у насъ часто. Только его графъ не особенно любилъ. Охладѣлъ онъ къ нему послѣ одного случая въ Баденъ-Баденѣ. Тамъ въ кругу иностранцевъ графъ читалъ свое, читалъ Гоголя—тутъ же сразу переводилъ то на французскій, то на нѣмецкій языкъ. Успѣхъ былъ громадный. Всѣ апплодировали, восторгались. Тургеневъ вдругъ рѣзко всталъ и вышелъ. Этимъ онъ подчеркнулъ, что ему непріятны оваціи графу.

Съ тѣхъ поръ они избѣгали встрѣчаться.

Н. Брешко-Брешковскій.

Мемуары и воспоминанія.

Настоящее и прошлое.—Проектъ реформъ.—„Школа" для представительныхъ учрежденій.—Герценъ и будущее русскаго народа. — Патріотъ и „патріоты".—„Великое дѣло". „Совершенно достаточно".—Солнце будущаго.—Герценъ и Кавелинъ. — Отвѣтъ прошлаго теперешнимъ курскимъ дворянамъ.

I.

Великія историческія минуты переживаетъ въ настоящее время Россія. Волна общественнаго движенія ширится, крѣпчаетъ и бьетъ въ крутые берега застывшихъ формъ, вынося на берегъ кучи щебня, камней и всякаго мусора. Много накопилось ихъ въ стоячихъ водахъ заштилѣвшаго русскаго моря...

Настоящее неразрывно связано съ прошедшимъ.

Изъ сумрака прошлаго, изъ тьмы, озаренной свѣтомъ воспоминаній, встаютъ величавыя тѣни первыхъ русскихъ борцовъ, полегшихъ костьми за благо родины, первыхъ апостоловъ свободы, окончившихъ мученическіе свои дни въ неволѣ.

Много ихъ видѣла родная земля на своемъ пространномъ лицѣ, на протяженіи сотенъ лѣтъ. Они подготовили почву для посѣва, ихъ мечты преемственно передавались новымъ борцамъ. Но мечтать въ Россіи всегда считалось опаснымъ дѣломъ.

Еще такъ недавно опасной, „крамольной" считалась даже святая мечта о раскрѣпощеніи въ Россіи милліоновъ рабовъ. Въ странѣ рабства—самое слово „свобода" признавалось нецензурнымъ.

Герценъ, выставившій на знамени своего „Колокола" освобожденіе слова отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ и подданнаго сословія отъ побоевъ, борьбу со всѣмъ преступнымъ, злонамѣреннымъ и невѣжественнымъ, являлся въ глазахъ правительствующихъ сферъ государственнымъ преступникомъ. Славянофилы, на зарѣ новаго, освободительнаго царствованія, лелѣявшіе мечту о созывѣ общей

земской думы и объ освобожденіи крестьянъ, отнесены были также въ разрядъ „опасныхъ“.

Страна задыхалась отъ гнили и плѣсени ветхаго строя; только широкая реформа могла спасти ее, но вмѣсто реформы предлагались „спасителями отечества“ палліативы.

Ставились подпорки, возводились частичныя подстройки.

Еще въ 1860 году владимирскіе дворяне въ адресѣ, представленномъ молодому императору, указывали, что безгласность дѣлопроизводства и безотвѣтственность должностныхъ лицъ является величайшимъ зломъ правительственной системы.

Они развивали планы необходимыхъ, по мнѣнію ихъ, реформъ, до сихъ поръ оставшихся, однако, въ области благихъ пожеланій. Дворяне заявляли о необходимости введенія строгаго раздѣленія властей административной, судебной и полицейской, хозяйственно распорядительнаго управленія для всѣхъ сословій и отвѣтственнаго только передъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются не административной властью, но единственно правильностью избранія. Далѣе ими выставлялось на видъ: преобразованіе полиціи, дѣйствующей только на основаніи закона, гласное судопроизводство, непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ, отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписаніе своихъ начальствъ, и учрежденіе новыхъ и прочныхъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита, т. е. чтобы финансовое управленіе зависѣло отъ народа, а не отъ произвола. Дворянство встрепенулось. Передовое русское сословіе дѣлало заявленія о необходимости общаго, конечно, въ смыслѣ дворянскаго, представительства, о правѣ русской земли имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти“.

Первенствующее въ Имперіи сословіе дружно и стойко проводило свои сословныя привилегіи, мечтая о дворянскомъ парламентѣ. Нѣкоторыя изъ дворянскихъ собраній, правда, смотрѣли на дѣло шире. Они заявляли о необходимости обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы, причемъ тверское дворянство, уже послѣ освобожденія крестьянъ, видѣло начало реформы въ созваніи выборныхъ всей земли русской. Оно считало такой созывъ единственнымъ средствомъ разрѣшенія вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19-го февраля.

Волна крѣпла, ширилась. Но на Руси ничего быстро не дѣлается. Навстрѣчу общественной волнѣ шло другое теченіе. Оно, если еще и не было враждебно реформамъ, то было уже враждебно спѣшности ихъ проведенія въ жизнь. Представители его были крѣпки вѣрой, что медлительность чисто русская національная черта, и національный геній никогда не спѣшитъ: Россія всегда дешла „твердымъ, но медленнымъ шагомъ“...

II.

Для представительныхъ учрежденій Россіи нужна была школа. Эту школу русскіе оффиціозы видѣли въ открытіи земскихъ учрежденій. Окраинныя губерніи лишены были вовсе такой „школы“, для центральныхъ же срокъ ученія затянулся на сорокъ лѣтъ. Спѣшность поразительная...

Противникъ „барской конституціи“, Герценъ уже тогда считалъ русскій народъ въ его цѣломъ вполнѣ подготовленнымъ къ представительному правленію.

Кавелинъ, съ которымъ Герценъ уже принципіально разошелся, видѣлъ въ земствѣ залогъ всего будущаго Россіи. „Въ земскихъ учрежденіяхъ—писалъ онъ—громадная цѣлительная сила для всѣхъ нашихъ недуговъ“. „Все, что до сихъ поръ у насъ дѣлалось, было въ рукахъ правительства. Что теперь дѣлается, это никакое правительство, будь у него семь пядей во лбу, сдѣлать не можетъ“. „Создать элементы оно не властно, и мы напрасно будемъ къ нему взывать, или его проклинать—наши мольбы и ругательства останутся равно тщетными, если бы оно даже имѣло, какъ въ нынѣшнее царствованіе, самыя благія, великодушныя намѣренія“. „Отъ успѣха земскихъ учрежденій,—писалъ тотъ же Кавелинъ въ другомъ мѣстѣ—зависитъ вся наша будущность и отъ того, какъ они пойдутъ, будетъ зависѣть, готовы-ли мы къ конституціи и скоро-ли мы ее получимъ“.

Судьба земскихъ учрежденій и послѣдующее къ нимъ отношеніе правительства ясно показываютъ, что оптимистическія кавелинскія надежды скоро стали предметомъ „страха іудейскаго“ нашихъ бюрократическихъ сферъ. Развитіе земской идеи было всячески заторможено, дѣятельность земскихъ учрежденій на каждомъ шагу встрѣчала преграды, росшія съ каждымъ годомъ, вмѣстѣ съ ростомъ недовѣрія къ общественнымъ силамъ въ бюрократическихъ кругахъ.

Герценъ, зорко слѣдившій за общественнымъ движеніемъ, начавшимся въ Россіи, горячо вѣрилъ въ будущее русскаго народа. Опальный изгнанникъ съ пламеннымъ лиризмомъ высказывалъ убѣжденіе объ особенности русскаго человѣка, „вѣрящаго, что русская земля принадлежитъ русскому народу, что русскій человѣкъ не можетъ быть безъ поземельнаго надѣла. Это основное, натуральное, прирожденное признаніе права на землю ставитъ народъ русскій на совершенно другую ногу, чѣмъ та, на которой стоятъ народы Запада“.

Герценъ былъ убѣжденъ, „что на первомъ Земскомъ Соборѣ, если въ немъ будутъ участвовать крестьяне, будетъ поставленъ вопросъ о землѣ и будетъ рѣшенъ въ духѣ высшей справедливости“.

Оторванный отъ родины, на далекой чужбинѣ Герценъ сохранилъ въ душѣ идеализованный, милый образъ родного народа. Предоставляя „патріотамъ своего отечества“ изготовлять бумаги о спасеніи Россіи за нумерами въ департаментахъ, предоставляя имъ заявлять о томъ, что все обстоитъ благополучно,— Герценъ, съ какой-то трогательной дѣтской непосредственностью, сердцемъ вѣрилъ „во внутреннюю, правда, не вполнѣ сознательную силу русскаго народа“.

Онъ могъ съ полнымъ правомъ ненавидѣть Россію прошлаго, удушливый кошмаръ ея дѣйствительности, но въ Россію будущаго, просвѣтленную, новую Россію онъ вѣрилъ глубоко.

Только сынъ своего народа, плоть отъ плоти его, могъ съ такой любовью говорить и вѣрить въ силы народныя. Въ тѣ внутреннія силы, которыя чудесно сохранились „подъ игомъ турецкихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ восточнымъ татарскимъ кнутомъ и подъ западными капральскими палками; о той внутренней силѣ, которая сохранила прекрасныя и открытыя черты и живой умъ русскаго крестьянина подъ унизительнымъ гнетомъ крѣпостного состоянія, которая на Царскій приказъ образоваться отвѣтила черезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина; о той, наконецъ, силѣ и вѣрѣ въ себя, которая жива въ нашей груди. Эта сила ненарушимо сберегла русскій народъ, его непоколебимую вѣру въ себя, сберегла внѣ всякихъ формъ и противъ всякихъ формъ: для чего?... покажетъ время“.

III.

Но время медленно ползетъ для русской жизни и даже для русской исторіи. Еще недавно—всего только четверть вѣка, доказывалось, какъ дважды два четыре — и въ этомъ были убѣждены правящія сферы, что „въ Россіи большинство не ищетъ ни большей личной свободы, ни гарантіи противъ власти; той общественной свободы, которой у насъ пользуется гражданское лицо совершенно достаточно“.

И это высказывалось такими людьми, какъ покойный Чичеринъ, говорилось въ „докладныхъ запискахъ“ въ такое время, когда отъ общественной свободы не оставалось ни тѣни, ни намека не было на нее.

„Либеральный бюрократизмъ“ застылъ и окаменѣлъ. Громко раздалась проповѣдь охранительныхъ началъ. Бюрократія нашла въ ней желанное орудіе. Съ другой стороны, мятущаяся мысль ударилась въ крайности. Народъ же оставался попрежнему безмолвенъ и нѣмъ. Великое дѣло, о которомъ напоминалъ Герценъ, было забыто. Ясный умъ русскаго изгнанника прекрасно сознавалъ, что безъ союза съ народомъ ничего не выйдетъ. Власть безъ опоры народной безсильна, безсильна въ одиночествѣ и отколовшаяся изъ него интеллигенція.

„Соединяйтесь плотнѣе между собою, чтобы вы были сила, что бы вы имѣли единство и организацію“--писалъ Герценъ въ отвѣтъ на упреки „Молодой Россіи“ въ потерѣ прежней вѣры,--„соединяйтесь съ народомъ, чтобы онъ забылъ вашъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а потерянную для него религію земли... и будьте готовы. Придетъ роковый день, станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его, какъ желанный день. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше“.

Это солнце взойдетъ тогда, когда власть царская станетъ властью народной. Для этого же, по убѣжденію Герцена, нужно только сознаніе власти, а „волна, которая ее подмываетъ и хочетъ поднять, въ самомъ дѣлѣ волна морская, что ее нельзя остановить, ни сослать въ Сибирь, что приливъ начался. Что нѣсколько раньше, нѣсколько позже, а ей придется сдѣлать выборъ между кормиломъ народной державы и иломъ морского дна“.

Въ союзъ царя съ народомъ вѣрилъ Герценъ. При такомъ союзѣ „все недовольное, ропщущее теперь у насъ отъ braves boyards moscovites—до русскихъ нѣмцевъ, отъ николаевскихъ генераловъ—до мелкопомѣстныхъ плантаторовъ исчезнетъ, сотрется. Какъ? Куда? А куда исчезаютъ мыши и крысы при первыхъ лучахъ свѣта, куда пропадаютъ днемъ сверчки“.

Появленіе солнца надъ русской землей безъ кровавыхъ тучъ было мечтой Герцена, „потерявшаго любовь“ къ насильственнымъ переворотамъ и вѣрившаго, что „нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ“. Конечно, то сознательное „возвращеніе“, къ какому звалъ Герценъ, было далеко отъ того обращенія вспять, къ которому тянули оффиціальные охранители русской народности. „Отрекаясь отъ формъ, чуждыхъ народу, втѣсненныхъ ему полтора вѣка назадъ, говорилъ Герценъ, мы продолжаемъ прерванное и отклоненное развитіе, вводя въ него новыя мысли и науки“.

Съ этой новой силой у насъ никогда не желали серьезно считаться. Лучшимъ примѣромъ является самъ Герценъ, сочиненія ко-

тораго подъ спудомъ и опалой пролежали болѣе сорока лѣтъ.

IV.

Боецъ по натурѣ, глубоко искренній и прямодушный—Герценъ шагъ за шагомъ, день за днемъ, долженъ былъ разочароваться не только въ „новыхъ русскихъ людяхъ, но даже въ своихъ ближайшихъ друзьяхъ“. Они оказались на разныхъ флангахъ. Такъ было и по отношенію Кавелина. Прежніе друзья разошлись. Причинъ такого разрыва было много. Главной же была разница ихъ общественныхъ характеровъ, опредѣлявшая средства и способы дѣйствія. Кавелинъ, разочаровавшійся въ своихъ былыхъ мечтахъ и все рѣзче склонявшійся къ другому міровоззрѣнію, конечно, не могъ быть союзникомъ. Уступчивость, излишняя мягкость,—все это не могло не дѣйствовать на Герцена. Разрывъ былъ неминуемъ, охлажденіе началось. Пути разошлись. Кавелинъ, недавно привѣтствовавшій русское дворянство съ его проектами реформъ, теперь извѣрился въ спасительность этихъ проектовъ. Земство—которому, какъ спасительному якорю для Россіи, вѣрилъ Кавелинъ, утратило свое обояніе. Земство, сведенное еще Валуевымъ на чисто хозяйственную роль, было развѣнчано Кавелинымъ.

Вину петербургской бюрократіи онъ ставитъ въ вину исключительно дворянскому земству, сведенному почти на нѣтъ въ 80-хъ годахъ. Ярый конституціоналистъ въ шестидесятыхъ, въ восьмидесятыхъ онъ убѣжденно говорилъ: „конституція это плѣнъ царя и разореніе народа въ пользу ничтожнѣйшаго и при томъ развратнѣйшаго меньшинства“.

Недавно еще убѣжденный глубоко, что ключъ къ лучшему порядку дѣлъ въ рукахъ провинціальнаго дворянства, Кавелинъ подвергаетъ ѣдкой критикѣ свои былыя надежды.

„Кто-то сочинилъ, очевидно, на французскій манеръ, что „дворянство есть опора престола и отечества“, что „государь—первый дворянинъ“, что „дворянство за царя и отечество кровь свою проливало“, и вотъ, всѣ мы повторяемъ эти фразы всласть, и, что всего забавнѣе, повторяемъ въ увѣренности, что въ нихъ заключается нѣчто, исключительно принадлежащее дворянству, составляющее предметъ только его гордости, чести и славы. Но опору отечества и престола, сколько извѣстно, составляютъ и купцы, и мужики, и чиновники, и духовные, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и дворянство; кровь свою проливаютъ за царя и отечество ужъ, конечно, не одни дворяне, а феодальное представленіе о царѣ-дворянинѣ вовсе намъ чуждо. Въ народной сказкѣ сказывается, что Иванъ Грозный былъ крестьянскій парень Ванюха, выбранный на царство въ Москвѣ, но о царѣ-дворянинѣ нѣтъ ни малѣйшаго понятія въ народѣ. Царь у насъ для всѣхъ сословій и званій царь, а не для однихъ дворянъ. Дворянству, какъ служилому классу, было естественно и удобно оттирать другія званія и выставлять на видъ свои заслуги преимущественно передъ всѣми прочими. Но вѣдь въ сущности ни власть, ни сами дворяне не принимаютъ этихъ фразъ за чистыя деньги. Обѣ стороны отлично понимаютъ, что въ устахъ дворянства такія увѣренія не больше, какъ самохвальство и не безъ расчета на царскія милости, а со стороны власти—простой комплиментъ, изъ котораго ничего не слѣдуетъ. Смѣшно и странно, когда люди мыслящіе и ученые вдругъ принимаютъ эти фразы за нѣчто серьезное, вѣрятъ имъ, какъ выраженіямъ будто бы дѣйствительныхъ фактовъ. Выставляютъ, напр., заслуги дворянства, какъ сословія, въ спасеніи отечества въ 1812 году. Но вѣдь не одно-же дворянство спасло Россію! Спасали его всѣ, отъ мала до велика, отъ царя до послѣдняго мужика. Какая же тутъ особенная заслуга дворянства?“

Современные курскіе дворяне, конечно, сочтутъ это крайнимъ проявленіемъ „революціоннаго духа“, хотя прошлое и сможетъ засвидѣтельствовать, что покойный Кавелинъ былъ совершенно чуждъ этого самаго духа и въ разрядѣ „крамольниковъ“ не состоялъ.

Ник. Носковъ.

Какъ представляютъ себѣ русскую Государственную Думу наши союзники—французы.

1) Литвинъ изъ Ковно. 2) Крестьяне Подольской губерніи. 3) Трое „интеллигентовъ“: проф[illegible] П. Ярошенко, Н. В. За[illegible]стинскій и Е. В. д-Роберти. 4) Самоѣды съ Новой Земли. 5) Румынъ изъ Бессарабіи. 6) Бурятъ изъ Забайкалья. 7) финнъ изъ Кореліи. 8) финнъ изъ Тавастгуса. 9) [illegible]казакъ изъ Борисполя. 10) Курдъ изъ Арменіи. 11) Мингрелецъ изъ Кутаиса. 12) Купцы изъ Нижняго-Новгорода: типы великороссовъ. 13) Армянинъ съ Кавказа. 14) Армянинъ изъ Эрива[illegible] Житель аула на Кавказѣ. 16) Землевладѣлецъ изъ крестьянъ Тульской губерніи. 17) Татаринъ изъ Казани. 18) [illegible]ый еврей изъ Одессы.

Съ фотографіи французскаго географическаго общества и [illegible] Шантръ, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“

Возникновеніе секты.

Въ знойный іюльскій день подходилъ я къ большому фабричному и торговому селу на Окѣ. Утомленный переходомъ и жарою, я присѣлъ въ тѣни. Изъ ближайшаго дома послышались звуки гитары. Недолго продолжалась музыка. Началось пѣніе грубаго деревенскаго баса подъ аккомпанементъ.

Слова произносились совершенно отчетливо, и я могъ сразу догадаться, что поютъ извѣстный стихъ Хомякова: „По прочтеніи псалма“. Малеванцы или баптисты? Незадолго предъ этой встрѣчей я слышалъ хоръ любителей, исполнявшихъ сектантскіе стихи въ географическомъ обществѣ. Въ числѣ стиховъ былъ и этотъ.

Пѣніе прекратилось, но звуки гитары передавали новый мотивъ. Я рѣшилъ сдѣлать попытку познакомиться съ пѣвцами. Постучалъ въ дверь дома, откуда слышалась музыка. Попросилъ напиться воды.

Отворилъ самъ хозяинъ и предложилъ квасу. Я былъ любезно предупрежденъ, что квасъ холодный, и мнѣ слѣдуетъ немножко поостыть.

Хозяинъ поставилъ кружку на столъ и предложилъ мнѣ сѣсть. Я охотно согласился.

— Это вы пѣли сейчасъ?

— Да, я.

— Это стихъ Хомякова?

— Нѣтъ, не Хомякова стихъ, а вдохновенный псаломъ царя Давида, написанный по новому. Мы живемъ во времена новаго неба и новой земли. Пѣснь старая намъ непонятна. Смотрите, какія новыя вдохновенія постигаютъ нашихъ пророковъ и псалмопѣвцевъ?

Хозяинъ вынулъ изъ стола толстую тетрадь въ твердомъ переплетѣ и открылъ первую страницу. Тамъ былъ записанъ гимнъ Хомякова.

Я просилъ позволить просмотрѣть всю тетрадь. Получилъ любезное согласіе, но никакихъ новыхъ стиховъ не нашелъ. Попадались стихи различныхъ нашихъ поэтовъ. Но оды „Богъ“ Державина я не нашелъ.

Въ концѣ тетради элегія Пушкина: „Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ“.

Я спросилъ: „почему это въ концѣ?“

— Мы живемъ и поемъ жизнь, а къ смерти равнодушны, какъ у того псалмопѣвца природа.

— Какое значеніе перваго псалма?—спросилъ я, приноровляясь къ языку собесѣдника.

— Читайте внимательно и увидите сами, что тутъ весь Завѣтъ Божій.

Первые стихи обратили теперь мое вниманіе больше, чѣмъ въ пѣніи.

Я попросилъ позволенія списать. Получилъ бумагу и перо. Списалъ. Сличалъ потомъ съ Хомяковымъ, и оказалась разница та, на которую при списываніи мнѣ указывалъ хозяинъ тетради. Пропущены стихи, что къ нашей вѣрѣ не относятся, и слова измѣнены понятнѣе.

Слова у Хомякова нѣсколько иныя. А именно: вмѣсто: и п о м і р у—по эфиру. Вмѣсто: в ѣ р у—міру.

Изъ вопросовъ, предложенныхъ мною, не осталось ни одного безъ отвѣта.

— Почему измѣнены указанныя слова и пропущены четыре строфы?

— Я самъ нахожу такъ лучше, когда пою въ минуты вдохновенья.

— Что же это, ваше вѣроученіе?

— Вѣроученіе Божіе, утвержденное въ совѣсти каждаго человѣка.

— Къ какой сектѣ вы себя причисляете?

— А вы къ какой себя? — возразилъ хозяинъ.

— Я христіанской вѣры.

— Ну, такъ я той же вѣры, только толкую по своему.

— Есть у васъ единомышленники и какъ называете себя?

— Много единомышленниковъ, и называемъ себя „Новый Израиль“.

Изъ разспросовъ и разсказа я убѣдился, что встрѣтилъ одного изъ руководителей раціоналистическаго вѣроученія, какія во всѣ времена и всюду бывали. Краткая біографія свидѣтельствовала, что вопросы вѣры явились въ юношествѣ послѣ періода безвѣрія. Созданную вѣру лѣтъ двадцать проповѣдуетъ желающимъ слушать. „Созданную“—я говорю, а мой собесѣдникъ выражался: вдохновенное ученіе, слово и др. Никогда никакихъ доносовъ и притѣсненій, по его словамъ, онъ не испыталъ, потому что говорилъ лишь желающимъ слушать. Стихи у него списывали, кому какіе нравятся. „Между собою бываютъ споры изъ-за новыхъ вдохновеній, изъ-за мыслей новыхъ пророковъ, но кончаются полюбовно. Просвѣщать всѣхъ не время, и этимъ только внесемъ смущеніе, не принося пользы“.

— Насъ не знаютъ и называютъ „субботники“, потому что это день отдыха. Много торговцевъ-разносчиковъ, и этотъ день намъ удобенъ. Празднуютъ и пятницу въ татарскихъ мѣстностяхъ.

Я разсказалъ фактъ. Выводовъ не дѣлаю. Спрашиваю лишь, можно-ли устанавливать на судѣ или въ комиссіяхъ время и мѣсто возникновенія той и другой секты? Я склоненъ скорѣе къ тому, что идея эволюціи должна быть раньше замѣнена какою-либо другою, тогда и можно будетъ ставить послѣдній вопросъ.

Өедоръ Шубинъ.

Женщины и народное представительство.

Выводы статистики.

Краткія цифровыя выкладки научно поставленныхъ статистическихъ изслѣдованій ярче и полнѣе освѣтятъ иной міровой вопросъ, чѣмъ сотни фоліантовъ, написанныхъ десяткомъ геніевъ. Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ и политическое равноправіе женщины.

По наблюденіямъ европейскихъ статистиковъ, изъ года въ годъ строго провѣряемымъ, избытокъ женскаго населенія надъ мужскимъ возрастаетъ медленно, но вѣрно во всѣхъ странахъ Европы. Привожу данныя 1900 года:

	муж.	жен.
Въ Германіи	на 27.737,247	28.629,931
„ Англіи	„ 20.102,408	21.356,313
„ Австро-Венгр.	„ 22.434,845	22.970,422
„ Испаніи	„ 9.087,821	9.530,265
„ Бельгіи	„ 3.326,693	3.367,577
„ Норвегіи	„ 1.066,693	.154,781
„ Швеціи	„ 2.506,436	2.630,005
„ Швейцаріи	„ 1.633,677	1.691,346
„ Франціи	„ 19.341,634	19.620,311

Наиболѣе ясную иллюстрацію къ процессу возрастанія женскаго населенія въ ущербъ количеству мужского даетъ итальянская статистика. Еще въ 1881 году въ Италіи мужчинъ было на 71000 чел. больше, чѣмъ женщинъ. А послѣ всенародной переписи 10 февраля 1901, т. е. всего черезъ 20 лѣтъ, не только исчезъ этотъ плюсъ, но получился и минусъ, въ видѣ 164,993 „лишнихъ“ женщинъ.

Наконецъ, въ Европейской Россіи, по даннымъ народной переписи 28 января 1897 г., на 46.447.963 мужчинъ приходится 47.767,452 женщинъ, т. е. на 1.319,489 больше, чѣмъ мужчинъ. Въ доказательство повсемѣстности этого явленія привожу списокъ губерній съ преобладающимъ женскимъ населеніемъ, при-

чемъ губерніи, въ которыхъ избытокъ женщинъ превышаетъ 100000 чел., обозначу курсивомъ: Архангельская, Виленская, Витебская, *Владимирская*, Вологодская, *Воронежская*, *Вятская*, Казанская, *Калужская*, Кіевская, Ковенская, Костромская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Псковская, *Рязанская*, Самарская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская, *Тверская*, Тульская, Черниговская, Эстляндская и *Ярославская*. Итого изъ 50 губерній Европейской Россіи въ тридати восьми женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ.

Итакъ, большая часть европейскаго народонаселенія состоитъ изъ женщинъ. Исключеніе представляютъ лишь нѣсколько второстепенныхъ государствъ (Болгарія, Сербія, Румынія, Греція), гдѣ замѣчается перевѣсъ въ сторону мужчинъ. Но этотъ перевѣсъ является quantité négligeable по сравненію съ приведенными данными, къ тому же 1897—1900 гг.

Объяснить количественное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ можно не „перепроизводствомъ“, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а единственно большей выносливостью, лучшей приспособляемостью женщины въ борьбѣ за существованіе по сравненію съ мужчиной. Обращаясь къ статистикѣ, видимъ, что мальчиковъ рождается нерѣдко больше, чѣмъ дѣвочекъ, но выживаетъ значительно меньше. Перепись 1897 г. подтвердила и для Россіи установленное европейскими статистиками наблюденіе, что въ возрастѣ отъ 16 до 50 лѣтъ мужчинъ умираетъ вдвое больше, чѣмъ женщинъ. Любопытно, что наибольшій процентъ женской смертности падаетъ на вдовъ, которыхъ умираетъ слишкомъ втрое противъ дѣвицъ и замужнихъ. О большемъ долголѣтіи женщины свидѣтельствуетъ и слѣдующая внушительная табличка.

Доживаютъ:

Отъ 100 до 101 г.	9	муж.	16	жен.
„ 101 „ 102 „	4	„	6	„
„ 102 „ 103 „	1	„	6	„
„ 103 „ 104 „	1	„	4	„
„ 104 „ 105 „ . . .	0	„	1	„
„ 105 и выше . . .	0	„	5	„

Табличка эта составлена для Германіи.

На количественномъ и физическомъ преобладаніи нельзя было бы построить особенно убѣдительныхъ доводовъ въ пользу женскаго равноправія, если-бъ женщины давнымъ давно не доказали своего равномочія и въ области духа. Признаніе за женщиной способности къ наукѣ и искусствамъ стало трюизмомъ. Поэтому, минуя всѣмъ извѣстный рядъ русскихъ и заграничныхъ женскихъ знаменитостей на этомъ поприщѣ, укажу лишь на проявившуюся въ послѣднее время дѣятельность женщины въ религіи, политикѣ, финансахъ и администраціи. Въ Англіи пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью пасторъ Гертруда фонъ-Петцольдъ, магистръ богословія эдинбургскаго университета, докторъ оксфордскаго и берлинскаго. Въ Австраліи, единственной странѣ, гдѣ женщины пользуются избирательными правами, на послѣднихъ федеральныхъ выборахъ было подано за трехъ кандидатокъ въ сенатъ болѣе 70000 голосовъ (необходимо 82000). Въ Нью-Іоркѣ процвѣтаетъ женскій банкъ съ крупнымъ основнымъ капиталомъ; директоръ, правленіе и служащіе банка состоятъ исключительно изъ женщинъ. Въ Германіи мѣсто директора музея древностей въ Килѣ занимаетъ Іоганна Месдорфъ, получившая отъ императора Вильгельма золотую медаль за административно-научныя заслуги. Надо-ли упоминать о фабричныхъ и податныхъ инспекторахъ, начальницахъ почтовыхъ отдѣловъ и т. п.?

Говоря, наконецъ, о среднемъ уровнѣ образованности женщинъ, нельзя не упомянуть, что даже въ Россіи, въ одномъ изъ крупнѣйшихъ учебныхъ округовъ—петербургскомъ, женщинъ, окончившихъ среднюю школу было еще въ 1900 г. на 73% больше окончившихъ мужчинъ: на 1600 чел. народонаселенія приходилось 67 мужчинъ и 116 женщинъ. Это не случайность, такъ какъ въ 1890 году преобладаніе женщинъ надъ мужчинами выражалось 22% общаго числа окончившихъ, и въ теченіе 10 лѣтъ это отношеніе постепенно выросло до указанной цифры. Высшее женское образованіе поставлено на твердую почву существованіемъ многочисленныхъ женскихъ университетовъ въ Европѣ и, между прочимъ, въ Токіо, гдѣ программа трехъ факультетовъ, а особенно „факультета домашняго хозяйства“ составлена такъ, что мужчинамъ, особенно русскимъ, остается только позавидовать.

Идея народнаго представительства—властно выражать, проводить въ жизнь и охранять законодательнымъ путемъ потребности и нужды большинства населенія, привлекая къ государственному дѣлу лучшихъ, избранныхъ довѣріемъ большинства населенія людей.

Съ точки зрѣнія статистическихъ данныхъ ни одно сколько-нибудь значительное европейское государство не можетъ быть признано удовлетворяющимъ этой идеѣ, т. е. конституціоннымъ. Какъ мы видѣли, большинство населенія въ каждомъ изъ нихъ, т. е. женщины, несмотря на то, что это большинство, не отставая отъ меньшинства въ способности къ духовному развитію, безусловно превосходитъ его жизнеспособностью,—не имѣетъ никакихъ политическихъ, а кое-гдѣ и гражданскихъ правъ.

П. Лихолѣтъевъ.

Не обманешь — не продашь.

Спенсеръ и англійское духовенство о честности британскихъ торговцевъ.—Торговые обманы.—Положеніе англійскихъ приказчиковъ.—Фальсификація продуктовъ.—Обмѣриваніе и обвѣшиваніе.—Шерсть и бумага.—Вредное молоко.—Жалобы капитана торговаго судна.—Зло посредничества.

„Не обманешь--не продашь“—правило, которымъ руководствуются не одни наши доморощенные коммерсанты.

Англійскіе торгаши, какъ оказывается, также не удовлетворяются тѣмъ заработкомъ, который причитается на ихъ долю за посредничество между производителемъ и потребляющимъ обществомъ. Польза такого посредничества принципіально признается весьма сомнительной. Практически съ нею возможно временно примириться лишь при условіи совершенной честности посредническихъ операцій. Дѣйствительность, однако, показываетъ, что торгашеская алчность всегда идетъ рука объ руку съ обманомъ.

Авторитетнѣйшій изъ современныхъ англійскихъ мыслителей, Гербертъ Спенсеръ, давно уже отзывался крайне пессимистически о честности британскихъ торговцевъ и промышленниковъ. Нѣсколько времени тому назадъ слова его нашли подтвержденіе въ своеобразномъ свидѣтельствѣ высшихъ представителей государственной англиканской церкви. Они утверждаютъ, что уровень нравственности въ британскомъ торговомъ мірѣ чрезвычайно понизился. Архіепископъ Кентерберійскій заявилъ на послѣднемъ съѣздѣ англійскаго духовенства, что многіе купцы и фабриканты не только не брезгаютъ всякаго рода обманами, но и принуждаютъ своихъ служащихъ обманывать покупателей. Епископы бирмингемскій и сентъ-альбанскій подтвердили справедливость этого заявленія.

Одинъ изъ прелатовъ привелъ примѣръ торговаго обмана. Въ складъ мебели входитъ покупатель и спрашиваетъ, изъ краснаго ли дерева сдѣланъ выставленный въ витринѣ письменный столъ? Молодой приказчикъ, согласно съ правдою, отвѣчаетъ отрицательно, — и покупатель уходитъ изъ магазина. Владѣлецъ его, присутствовавшій при разговорѣ, внѣ себя набрасывается на приказчика.

— „Все, что имѣетъ видъ краснаго дерева,—кричитъ онъ,—должно быть продаваемо за красное дерево!—Если вы еще разъ упустите такимъ образомъ покупателя, можете убираться къ чорту!“

Епископъ, разсказывавшій объ этомъ типичномъ случаѣ, добавилъ, что десятки тысячъ приказчиковъ изо дня въ день принуждены разрѣшать позорную дилемму, выбирая между мошенничествомъ и потерею мѣста.

Требовать геройства отъ приказчиковъ — невозможно. Дилемма, очевидно, всегда разрѣшается съ ущербомъ для покупающей публики.

Затронутая англійскимъ духовенствомъ жгучая публицистическая тема, столь обидная для прямолинейно понимаемой „народной гордости“, была оставлена безъ вниманія всею британскою прессой. Только распространенная газета „Daily-Mail“ рѣшилась посвятить заявленіямъ епископовъ яркую передовицу, нашедшую громкій откликъ среди милліоновъ читающей публики. За послѣднія недѣли на столбцахъ этого органа появилось множество писемъ отъ читателей, приводящихъ рядъ интересныхъ фактовъ изъ темной области англійской торгашеской морали.

Владѣльцы крупныхъ лондонскихъ фирмъ сдѣлали сначала попытку затушевать своими протестами компрометантныя заявленія англійскаго высшаго духовенства. Но протесты эти подлили лишь масла въ огонь. Какъ изъ рога изобилія, посыпались въ редакцію „Daily-Mail“ письма, подтверждающія печальную дѣйствительность. Донынѣ служащіе приказчиками обличители анонимно разоблачили многія продѣлки торговцевъ, покушающихся на совѣсть своего персонала и на карманы покупателей.

Перемѣнившіе профессію, бывшіе продавцы, подкрѣпили свои показанія подписями и указаніемъ адреса.

Хозяева принуждали ихъ не только обманывать относительно качества продаваемыхъ продуктовъ, но и заставляли обвѣшивать и обмѣривать покупателей. Бывшій приказчикъ склада сапожнаго товара разсказываетъ, что хозяинъ зимою выгналъ его съ женою и дѣтьми на улицу за то, что онъ не соглашался продавать подошвы изъ папки за кожаныя. Возчикъ угля утверждаетъ, что мѣшки, развозимые имъ кліентамъ, не содержатъ въ себѣ центнера, который долженъ заключаться въ каждомъ, согласно накладной; качество угля также ниже условленнаго.

Приказчики торговли кожами жалуются, что ихъ заставляютъ продавать спрыснутую духами телячью кожу за настоящую русскую юфть. Торговцы мясомъ вынуждены сбывать американское сало за ирландское и мороженную новозеландскую баранину за „лучшую англійскую“. Въ сѣмянныхъ торговляхъ ученикамъ приказываютъ отпускать де-

сятокъ сортовъ по каталогу изъ одного мѣшка съ горохомъ. „Въ бакалейныхъ магазинахъ и въ складахъ колоніальныхъ товаровъ,—пишетъ кассиръ, одиннадцать лѣтъ просидѣвшій въ одной изъ подобныхъ лавокъ, — ученики должны обманывать и врать на каждомъ шагу, не то ихъ тотчасъ-же выгонятъ вонъ“. Многіе сорта риса, сала, кофе, сахара, чая, изюма, уксуса и масла продаются по тремъ или четыремъ различнымъ цѣнамъ, соотвѣтственно платежеспособности, размѣрамъ недѣльнаго потребленія, опытности и другимъ особенностямъ и свойствамъ кліента.

При этомъ, одна девятая часть всего какао и одна треть всего сахара, продаваемыхъ на англійскомъ рынкѣ, подвергается самой наглой фальсификаціи.

Указаніями на разнообразнѣйшіе способы поддѣлки пищевыхъ продуктовъ можно было бы наполнить цѣлые томы. Обобщая всѣ подобныя свѣдѣнія, можно сказать, что нѣтъ такой гадости, которая не потреблялась бы въ пищу и не могла бы быть продана за доброкачественный продуктъ безсовѣстными и ловкими торговцами.

Не щадя публики, англійскіе коммерсанты не щадятъ и другъ друга. Одинъ комиссіонеръ—рыбникъ—повѣствуетъ о продѣлкѣ, достойной представителей нашей торговой „черной сотни“. Пріятель, съ мѣста ловли, телеграфируетъ лондонскому рыбнику: „посылаю тебѣ транспортъ лучшей трески“. Лондонскій торговецъ медлитъ съ отвѣтомъ; когда партія трески, по его расчету, уже находится въ дорогѣ, онъ отвѣчаетъ депешей: „рынокъ переполненъ, рыба не окупитъ стоимости фрахта“. При расчетѣ онъ понизитъ цѣну трески до крайняго предѣла, а отправителю останется въ утѣшеніе лишь сознаніе, что хорошій товаръ былъ перемѣшанъ имъ съ совершенно негоднымъ. Оба торговца останутся въ барышахъ, поплатится только потребитель.

Купецъ, торгующій дичью, птицами и устрицами въ богатомъ кварталѣ Лондона, откровенно сообщаетъ, что ему поневолѣ приходится обвѣшивать на одну пятую своихъ покупателей, такъ какъ оптовый складъ накидываетъ ему на каждые двѣсти фунтовъ товару по пятидесяти лишнихъ фунтовъ. Отказаться отъ этого расчета нельзя, такъ какъ товаръ забирается въ кредитъ; перемѣнять поставщика — безполезно, потому что обвѣсъ практикуется и другими фирмами. Приходится раскладывать убытокъ на покупателей. Нѣкоторыя кухарки понимаютъ, въ чемъ дѣло; ихъ задабриваютъ отчисленіемъ процента. Кромѣ того, кухаркамъ помогаютъ обманывать хозяевъ, вписывая въ счета и заборныя книжки фантастическія суммы.

Прославленныя англійскія шерстяныя ткани поддѣлываются самымъ безстыднымъ образомъ. Въ шерсть подмѣшиваютъ не меньше, чѣмъ на половину, хлопчатой бумаги. „Оптовые и розничные торговцы,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—нисколько не лучше фабрикантовъ. Публика и не подозрѣваетъ, какъ нагло обманываютъ ее“.

Одинъ изъ приказчиковъ, прослужившій болѣе десяти лѣтъ въ мануфактурномъ магазинѣ, добавляетъ: „Особенно возмутительны періодически выпускаемые прейсъ-куранты, такъ называемыхъ, распродажъ: эта операція — сплошной обманъ. Но горе тому изъ приказчиковъ, который осмѣлится раскрыть глаза которому-либо изъ покупателей: его немедленно прогонятъ съ мѣста“.

Чувствомъ глубокаго стыда и раскаянія проникнуты письма несчастныхъ продавцовъ фальсифицированнаго англійскаго молока. Въ натуральномъ своемъ видѣ оно мало чѣмъ уступаетъ лучшему швейцарскому, въ поддѣланномъ—является однимъ изъ самыхъ вредныхъ для потребителей. Статистика дѣтской смертности отъ питанія фальсифицированнымъ молокомъ свидѣтельствуетъ, что страна теряетъ отъ этого бѣдствія несравненно больше жизней, чѣмъ отъ войны или болѣзней. Почти всѣ письма приказчиковъ, служащихъ по молочному дѣлу, завершаются надеждою, что имъ вскорѣ удастся найти другое занятіе, позволяющее вести честную и порядочную жизнь.

Столь же горькія жалобы на свою участь расточаютъ капитаны англійскихъ торговыхъ судовъ. „Въ теченіе пятнадцати лѣтъ,—сокрушается одинъ изъ нихъ,—хозяева заставляли меня не только лгать на каждомъ шагу, не только лишать бѣдныхъ матросовъ части слѣдуемаго имъ пайка, я былъ вынужденъ, по ихъ настоянію, испещрить корабельныя книги подложными записями и не менѣе двѣнадцати разъ давать ложныя показанія на судѣ, чтобы принципалы мои могли получить преміи со страховыхъ обществъ за убытки. Когда я воспротивился совращенію для такой же цѣли трехъ матросовъ, меня уволили“.

Одинъ изъ лондонскихъ слѣдователей, подводя итогъ своимъ наблюденіямъ въ разныхъ кварталахъ Лондона, приходитъ къ убѣжденію, что не менѣе трехъ четвертей всѣхъ торговыхъ заведеній въ англійской столицѣ живутъ обманомъ. Письмо его подписано полнымъ именемъ.

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ, конечно, не слѣдуетъ, что англійскіе купцы обманываютъ публику больше, чѣмъ торгаши другихъ странъ. Всюду одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія. Если бы потребители проявили достаточно энергіи, чтобы войти въ непосредственныя сношенія съ производителями, зло было бы подорвано въ самомъ корнѣ. Достигнуть этого возможно, лишь поднявъ уровень образованія въ народной массѣ. Внѣ этого требованія не можетъ осуществиться никакой прогрессъ. До тѣхъ же поръ, пока народъ не будетъ допущенъ къ источникамъ истиннаго просвѣщенія, невѣжество его всегда будетъ эксплоатироваться на всевозможные лады недобросовѣстными промышленниками,—чѣмъ бы они ни торговали. И самыми вредными фальсификаторами навсегда останутся прелюбодѣи мысли, подающіе духовно голодному народу камень вмѣсто хлѣба.

В. Максимовъ.

Лондонъ,
въ августѣ 1905 г.

Кампанія противъ богатѣйшаго человѣка въ мірѣ.

Американская пресса называетъ Д. Рокфеллера, „керосиноваго короля“ и нынѣ перваго богача въ мірѣ,—однимъ изъ наиболѣе ненавидимыхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ.

Прежде первенство между богачами оспаривалъ у Рокфеллера покойный китайскій вице-король Ли-хунг-чангъ. Со времени смерти послѣдняго, „керосиновый король“ занялъ безспорное первое мѣсто между милліардерами подлунной.

Но и милліарды не въ состояніи оградить его отъ ненависти соотечественниковъ.

Всѣ усилія Рокфеллера сколько-нибудь смягчить отношеніе къ нему соотечественниковъ оказываются совершенно безуспѣшными. Огромныя суммы, пожертвованныя имъ на благотворительныя учрежденія, не помѣшали Тому Лаутону, Идѣ Тарбэлль и мн. др. напечатать въ американскихъ газетахъ рядъ статей, именующихъ Рокфеллера „вампиромъ“, жертвующимъ одною рукою, а другою—отбирающимъ у нуждающихся пожертвованныя суммы съ чудовищными процентами.

Послѣднее пожертвованіе „керосиноваго короля“, предназначенное на сооруженіе огромнаго пріюта, вызвало столь яростные нападки въ печати, что даже Рокфеллеръ, этотъ человѣкъ „со стальными нервами“ не выдержалъ. Жена его, относящаяся, вообще, къ полемикѣ противъ мужа несравненно отзывчивѣе, тяжело захворала; носились даже слухи, будто ее съ трудомъ удалось спасти отъ покушенія на самоубійство.

Нисколько не утѣшила огорченнаго милліардера и его присныхъ льстивая біографія, изданная американскимъ вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ, для раздачи питомцамъ учрежденнаго Рокфеллеромъ воспитательнаго образовательнаго пріюта.

Въ отвѣтъ на эту хвалебную біографію, американскія газеты огласили подробности хищническаго треста, организованнаго Рокфеллеромъ и его клевретами, съ цѣлью поднятія цѣнъ на льняное сѣмя и льняное масло. Результаты этого предпріятія оказались весьма плачевными для всѣхъ, кромѣ членовъ новаго синдиката. Потребители уплачиваютъ дороже, чѣмъ прежде, за продуктъ, котораго обойтись невозможно, такъ такъ никакого суррогата для замѣны льняного масла до сихъ поръ не найдено. Между тѣмъ, производители получаютъ или прежнюю плату, или низшую, вслѣдствіе того, что Рокфеллеръ и его сподвижники скупили огромные запасы обоихъ продуктовъ. Какъ велики аппетиты американскихъ хищниковъ, можно судить по тому повышенію цѣнъ на льняное масло, котораго они уже достигли: съ 51 цента за галлонъ цѣна доведена до 80 центовъ. Такому же чудовищному обложенію были уже подвергнуты потребители льняного масла въ 1900—1902 гг. Немудрено, что, при такихъ условіяхъ, газетные громы противъ Рокфеллера не умолкаютъ.

Н. Г.

Портретъ и оригиналъ.

Извѣстный американскій милліардеръ Пирпонт Морганъ огорчилъ художественные круги Англіи, откупивъ за 300.000 марокъ портретъ, писанный извѣстнымъ англійскимъ художникомъ Томасомъ Лауренсомъ въ 1827 г. Съ этимъ портретомъ, имѣвшимъ извѣстный успѣхъ на выставкѣ въ Королевской Академіи, связано для лондонцевъ много воспоминаній. Портретъ изображаетъ 16-лѣтнюю дѣвушку по имени Розамунда Крокеръ, извѣстную въ обществѣ и при дворѣ замѣчательной красотой и прелестью. Портретъ этотъ въ свое время привлекъ всеобщее вниманіе. Поэты воспѣвали въ стихахъ молодую красавицу и провозгласили ее воплощеніемъ идеала британской красоты. Она была представлена королю Георгу IV, большому знатоку женской красоты, который дважды поцѣловалъ ее при представленіи, какъ король и какъ мужчина. Послѣ того, какъ портретъ оказался проданнымъ въ Америку, одному англійскому писателю пришло въ голову, что оригиналъ этого портрета можетъ оказаться въ живыхъ. Дѣйствительно, ему удалось отыскать женщину, бывшую когда то объектомъ національной гордости. Урожденная Крокеръ теперь

Осмотръ врачемъ плѣнныхъ портъ-артурцевъ послѣдней партіи.

Съ фотографіи находящагося въ японскомъ плѣну врача Н. К. Малышева, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Епифанова, З. Перова, Е. И. Кардашева, П. Н. Комарицына.

Сестры милосердія, работающія годъ въ госпиталѣ дворянскаго отряда, въ Харбинѣ.

Съ фотографіи поручика В. Р. Анухтина, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Въ недавніе дни.

носитъ имя лэди Барроу, ей не болѣе, не менѣе, какъ 96 лѣтъ. Она сохранила разсудокъ и память и охотно разсказываетъ о своей молодости. Когда ей исполнилось 90 лѣтъ, она фотографировалась въ той самой позѣ, въ которой она изображена на портретѣ: несмотря на основательную разницу въ лѣтахъ, можно еще найти кое-какое сходство отдѣльныхъ чертъ лица.

Лэди Барроу была въ молодости знакома съ крупнѣйшими людьми ея времени. Она была большой любимицей Веллингтона, хорошо знала Биконсфильда, который даже былъ на ея свадьбѣ въ 1832 г. Она была изъ очень хорошей семьи и воспитывалась въ серьезной обстановкѣ, вслѣдствіе чего всеобщее поклоненіе ея не испортило. Объ авторѣ ея портрета, знаменитомъ Томасѣ Лауренсѣ, лэди Барроу разсказываетъ много интереснаго. Она помнитъ его подвижность, веселость, нерасчетливость, вслѣдствіе которой Лауренсъ всегда нуждался въ деньгахъ, несмотря на то, что англійское общество носило его на рукахъ и платило ему за портреты колоссальные гонорары.

Въ недавніе дни. — Какъ японцы провожали своихъ запасныхъ на театръ войны. А у насъ?..

Съ рисунка О. Герлаха, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25 Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Пропперъ.